

УДК 930.1(44)

К.Э. ЛАБРУСС КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ФРАНЦУЗСКОЙ КВАНТИТАТИВНОЙ ИСТОРИИ

Н.В. Трубникова

Томский политехнический университет
E-mail: troub@mail.ru*Рассматривается вклад талантливого французского экономиста и историка Камилля-Эрнеста Лабрусса в становление всемирно известного направления исследований французской историографии XX в. – квантитативной, или количественной истории.***Ключевые слова:***Историография, методология истории и гуманитарных наук, квантитативная история.*

Экономическую и социальную историю эпохи триумфа французской исторической мысли часто отождествляли с движением «Анналов» и Фернаном Броделем, недооценив человека, который оказался непосредственно причастен к разработке понятия «*longue duree*», а также вооружил методом и привел к успеху целое поколение французских историков, составивших впоследствии основу «третьих Анналов». С 1946 г. в Сорбонне кафедрой экономической истории, ранее возглавляемой Марком Блоком, руководил Камилль-Эрнест Лабрусс, существенно изменивший за четверть века своей педагогической практики рельеф историографического пространства во Франции.

Современные исследователи часто пишут в обобщающих трудах о парадигме Броделя-Лабрусса, тем самым приобщая последнего к движению «Анналов». Однако, несмотря на значительный опыт сотрудничества и несомненное сходство многих позиций [1], Бродель неизменно критиковал «лабрусову модель» за приверженность перспективе политической событийности в истории. Так, в статье 1958 г. он написал о Лабруссе: «Его доклад «Как рождаются революции?» на Международном конгрессе в Париже в 1948 г. стремится связать ... экономический патетизм короткого времени (новый стиль) с политическим патетизмом (очень старый стиль), патетизмом революционных дней. Вот вам снова короткое время и по самую шею» [2. Р. 750].

Вдохновленный читатель «Анналов» с самого начала, Лабрусс оставался долгое время за пределами истории журнала, в котором он не публиковался до 1940-х гг. Однако свою должность руководителя исследований в Четвертой секции Высшей практической школы в 1938 г. он получил благодаря поддержке Марка Блока. По мнению Мориса Эмара, державшийся особняком и не имевший именитого наставника Эрнест Лабрусс со всей оригинальностью его подхода не был по достоинству оценен основателями «Анналов». Л. Февр «открыл» для себя Лабрусса довольно поздно, в 1947 г., приняв его в коллектив Шестой секции. Но руководитель «Анналов» «сделал ставку на Броделя, несмотря на сомнения Марка Блока. Ни тот, ни другой не ощутили, что надо было ставить на Лабрусса: людям свойственно ошибаться, даже самым великим. Лабрусс и Бродель были оба вскоре

признаны: они также поняли, что призваны разделить власть в 1950–60-х гг.» [3. Р. 11].

Судьба Эрнеста Лабрусса в истории была совершенно нетипичной. Журналист и адвокат по профессии, он не учился в Высшей нормальной школе (традиционно считавшейся самой лучшей «кузницей» гуманитарных кадров, и дважды провалился на агрегации по экономике. Лабрусс начал изучение истории перед войной 1914 г., был учеником Альфонса Олара и написал диплом об истории Революции. Но его политические пристрастия привели его в журналистику (к сотрудничеству с «Юманите» и «Попюлер»), потом в экономику. Только разрыв с КПФ в 1924 г. заставил Лабрусса направить мощь своего интеллекта в научное исследование. По этому поводу Фернан Бродель выразился следующим образом: «Я могу сказать это Эрнесту Лабруссе: он нас лишил второго Жана Жореса. Одна история от этого выиграла» [4. Р. 142].

В 1932 г. он защитил диссертацию по экономике на факультете права под руководством Альбера Афтальяна о движении цен и доходов во Франции XIX в. [5], основываясь на изучении административной статистики Старого Порядка и методе Франсуа Симиана. Последний, через интерпретацию Лабрусса, дал толчок развитию экономической истории, ассоциируемой со школой «Анналов».

Вопреки существующему клише, экономическая история и ранее не имела особых проблем институционализации в истории, еще в последние десятилетия XIX в. ею стали заниматься признанные экономисты: Эмиль Левассер, автор работ по истории французского населения и рабочего класса, а также Альбер Афтальян, который опубликовал множество сочинений по истории экономических кризисов во Франции. Под влиянием этих работ некоторые историки, такие, как Филипп Саниак, пытались вводить в исследование статистические подходы. Однако эти попытки провалились, поскольку в целом квантитативные техники рассматривались как противоречащие историческому методу [6. Р. 66].

В этот период история воспринималась как герменевтическая, наука контекста, требующая исследования прошлого «по следам». Статистический подход, напротив, основан на работе абстрагирования, создании некой «выжимки», формирования

однородных фактологических серий. Кроме того, существовали серьезные сомнения (выражаемые, в частности, Шарлем Сеньбосом) в надежности источника – тех административных категорий и выкладок, что были созданы Службами общей статистики Франции. Необходимо было учитывать с большой гибкостью особенности различных социальных сред, регионов, эпох и т. д.

Приверженец социальной истории, Анри Озе разделял полностью эту точку зрения [7]. Согласно ему, статистические методы законны в экономике, но в истории с ее долговременной перспективой случайность обстоятельств доминирует над экономической жизнью. Поскольку сам Озе и был законодателем метода на поле экономической истории вплоть до конца 1930-х гг., нужно было ждать смены исследовательских поколений для введения новой исследовательской программы – программы Лабрусса.

О родоначальнике этой программы – Франсуа Симиане – писали несоразмерно мало, учитывая всю степень его влияния на развитие социальных наук во Франции [8]. Профессор Национальной консерватории искусств и ремесел, Коллеж де Франс, Президент Статистического общества Парижа, Франсуа Симиан посвятил свой талант экономиста проблеме доходов служащих, обобщив ее в своем главном труде – «Зарплата, социальная эволюция и деньги. Опыт экспериментальной теории заработной платы» [9].

Параллельно он продолжал эпистемологическую полемику с философами-«спиритуалистами», отрицавшими саму возможность социальной науки. Это побудило его доказывать, что экспериментальный метод приложим к социальным наукам. На фронте экономической теории он противопоставил свое учение абстрактной математике, ратуя за экономику, открытую истории и социологии. В споре с историками Симиан занимался оправданием квантитативных методов при изучении прошлого.

Симиан боролся против того, что он называл «объяснением через удачный пример», которое подталкивает большинство историков постулировать, никогда не доказывая, репрезентативность казуса, который они изучили. Статистические методы позволяют производить настоящие эксперименты, высчитывать частоты, коэффициенты совпадения, благодаря которым исследователь способен устанавливать отношения универсальных форм, уверял автор.

Свои теоретические доводы он подкреплял собственными эмпирическими исследованиями по истории денег и заработной платы во Франции. Общая их идея может быть сведена к тому, что на протяжении XIX–XX вв. доходы служащих росли параллельно увеличению прибылей в экономике, что Симиан связывал с развитием валютных средств, в частности, с открытием золотых шахт в Америке и Южной Африке. Но внутри этого процесса он обнаружил циклические движения, чередующие пе-

риоды процветания (фазы А) и спада (фазы Б). Симиан пришел к выводу, что экономический кризис 1930-х гг. произошел из-за накладывания конъюнктурного кризиса и смены цикла (смена фазы А на фазу Б), что сравнимо с моментом аналогичного кризиса последней четверти XIX в.

Именно здесь мы можем впервые обнаружить знаменитую «броделевскую» градацию времен: в движения «большой длительности» многолетнего подъема зарплат и цен вписываются движения «средней длительности» (фазы А и Б, которые образуют двадцатилетние циклы), и конъюнктурные элементы (короткое время). Симиан показал неразрывную связь экономических фактов и их социального и политического контекста. Так, флуктуации цен и зарплат могут повлиять на социальные требования рабочих, и наоборот, стачки рабочих могут иметь экономические результаты в виде удорожания производства.

С момента создания «Анналов» Люсьен Февр пытался познакомить историков с плодотворной мыслью Симиана, однако усилия оказались тщетными: слишком абстрактный язык экономиста был им непонятен. Историк Жорж Лефевр не без оснований обвинял Симиана в отсутствии человека в его исследованиях, в любви к математическим расчетам, в предпочтении номинальной зарплаты зарплате реальной, в отказе учитывать циклические и сезонные колебания в экономике. Мало склонный к компромиссам, сам Симиан не прилагал никаких усилий к объяснению своего метода историкам и отказался, в конечном итоге, от предложений сотрудничества с «Анналами».

Без Эрнеста Лабрусса, выполнившего трудное усилие «перевода», труды Симиана не сыграли бы своей роли в истории. Владующий языком экономистов и углубленно изучивший мысль Симиана, в том числе, посещая его семинары в Высшей практической школе, Лабрусс смог обратить этот метод на пользу своему исследованию.

Однако, по его воспоминаниям, историки сдержанно восприняли эту работу. «Мы – в 1932 году, «Анналы» только начались. Нет еще когорты историков с хорошей экономической культурой», – вспоминал он в интервью 1980 г. [10]. Но постепенно, и, в немалой степени, благодаря участию Лефевра, работа Лабрусса начала привлекать внимание профессионалов.

Как и следовало ожидать, она натолкнулась на жесткую критику Анри Озе, который упрекал автора за избыточный кредит доверия к старорежимным административным источникам. Лефевр настаивал, что диссертация обогащает исследование причин Французской Революции, и что Лабрусс исследует свой сюжет как настоящий историк, ставя конкретные исторические вопросы. Даже если он использовал данные, которые могут быть сведены в серии, они способны обогатить «факты чисто событийные, как говорит Симиан, которых ... статистика избегает» [6. Р. 70]. Таким образом, приверж-

женность событийности «отца-основателя» французской квантитативной истории стала в тот момент решающим аргументом, чтобы Лабрусс восприняли в сообществе историков.

Приятию метода Лабрусса способствовал также его тематический выбор: Французская революция занимала центральное место в исследованиях. Его целью было связать события в долгосрочной перспективе, исследовать структуры в их эволюции и найти революционному разрыву времен научное объяснение. Его работа с самого начала являлась исторической: Лабрусс не искал причин экономических движений, а определял их исторические — социальные и политические — последствия в событийной канве. Он стремился открыть и поставить под строгий контроль, осуществляемый экспериментально, новые источники, да так, чтобы и человек не исчезал из его трудов. «Одним словом, — резюмировали представители современных «Анналов» Жан-Ив Гренье и Бернар Лепти, — «разница между Симианом и Лабруссом... заключалась в двух наклонностях духа: одна более абстрактная, и, возможно, более философская, ...другая более конкретная». О диссертации Лабрусса почти не дискутировали, потому что «проект экономиста оставался мало приемлемым для историков, которые не располагали ни достаточным инструментарием, ни начатками знакомства с этими вопросами» [11. Р. 1341].

Его программа выделяла повторяемые феномены, чтобы находить в них причинно-следственные связи: «повторяемое имеет здесь больше человеческой ценности, чем случайное. В экономической истории, в отличие от того, что наблюдается в других областях истории, все, что есть важного — повторяемо», — написал Лабрусс в своей диссертации по истории, опубликованной в 1944 г., о кризисе французской экономики в предреволюционный период [12. Р. 171—172].

Это исследование внесло значительный вклад в развитие прежней темы — причин Французской революции. Споря с Жоресом и Матъезом и присоединяясь к Мишле, Лабрусс настаивает на том, что революционные потрясения стали восстанием нищих. Главную роль в них сыграл экономический кризис, усиленный неурожаем, который вызвал рост цен на зерновые. Опираясь на статистику XVIII в., историк разработал цифровые серии об изменениях цен, урожаях, промышленных товарах, торговле. В ответ на традиционные упреки в недостоверности данных источников, Лабрусс защищался ссылками на надежность статистических методов, на закон «компенсации погрешностей», на тесты совпадения. В обществах, где доминирует сельская экономика, неурожай, экстремальный рост цен на хлеб действительно могут спровоцировать кризис. Лишь по мере развития экономики вызревает другой, индустриальный тип кризиса, как кризис 1929 г., с другим комплексом причин и следствий.

Модель оказалась действенной для более чем двух поколений молодых историков. «Вся французская историческая школа есть школа Лабрусса», — подчеркнул Пьер Шоню. «Мысль Лабрусса так инкорпорирована в нашу практику истории, обработку материалов и концептуализацию дискурса, что ...был забыт источник: она стала неотличима, потому что победила» [13. Р. 21—22].

С 1955 г., когда состоялся конгресс исторических наук в Риме, Лабрусс, не порывая с экономической историей, стремился переориентировать свою модель в русле устремлений истории социальной, более явно присоединяясь к начальным ориентациям «Анналов». Его доклад «Новые пути к истории западной буржуазии в XVIII и XIX веках (1700—1850)» затем получил развитие в ходе знаменитых коллоквиумов в Сен-Клу в 1960-х гг., где его основным оппонентом становится другой влиятельный историк, сторонник «институционального» подхода Ролан Мунье.

Марксистскому, «экономическому» подходу, защищаемому Лабруссом, Собулем и Домар, Мунье противопоставил тот факт, что социальная иерархия в XVII в. не может быть сведена к профессиональным занятиям или к объемам личных состояний, — она все еще базируется на системе сословий, а не экономических классов.

Дискуссия в Сен-Клу позволила Лабруссу выразить квинтэссенцию своего метода. По сути, он развивал там видение истории, которое совпадает с подзаголовком «Анналов» — «экономики — общества — цивилизации». Лабрусс с энтузиазмом говорил о новой истории, которая идет рука об руку с обновленной экономической историей и развивающейся социологией. И объектом этой истории — помимо изучения социальных групп и их связей, — является исследование взаимодействий между тремя основными уровнями человеческого бытия: экономическим, социальным и ментальным [14. Р. 4]. Импульс к развитию чаще всего возникает в экономике и передается в сферу социального, хотя изредка наблюдается и противоположный эффект. Движение обновления, как правило, приходит из экономики, а социальное оказывает ему сопротивление. Далее реакция передается в ментальную сферу, где процессы «торможения» инновации наиболее сильны, поскольку «ментальность среды меняется медленнее, чем сама среда». Ментальность наиболее консервативна, в этой сфере проявляют себя наибольшие длительности истории, и потому Лабрусс приглашает историков от «движений» повернуться лицом к «сопротивлениям», от инфраструктуры к суперструктуре, от базиса к надстройке. Последовательное и совокупное изучение всех трех уровней человеческого бытия и есть Лабруссова матрица, она же — матрица «Анналов».

Модель «Броделя-Лабрусса», пережив фазу триумфа, подвергалась жесткой критике на рубеже 1970—80-х гг. и после была предана временному забвению. Лабрусс умер в 1988 г., незадолго до

празднования двухсотлетия Революции, и в новом «Критическом словаре Французской революции» не было помещено ни одной ссылки на его труды. Еще недавно такой новаторский, его подход, казалось, исчез из исторического исследования: менялась идейная конъюнктура, снизилось влияние марксизма на социальные науки, истощилась сериальная история.

Новый, хотя и не всеобщий, интерес к «парадигме Лабрусса» проснулся в конце 1980-х гг., начиная с уже упомянутой статьи Жана-Ива Гренье и Бернара Лепти «Исторический опыт. По поводу К.-Э. Лабрусса» [11]. Потомков привлекли многие качества мэтра, не присущие прочим участникам и попутчикам движения «Анналов». Он был изобретателем «очень французской историографии по выбору своего объекта, по своему вхождению в институциональный и университетский национальный контекст и по своей роли проводника для многих поколений историков гексагона» [3. Р. 16], — писала автор интеллектуальной биографии Лабрусса М.Н. Боргетти.

Гренье и Лепти назвали целью обращения к его творчеству необходимость «заставить Лабрусса играть против Лабрусса, и разыскать в первых сочинениях мэтра» средство перемещения методологического фокуса. Авторы отметили скрупулезное внимание Лабрусса не к результатам своего исследования (очень обстоятельно изложенным), а к методу, который позволил их достигнуть.

Сопрягая общую и прикладную методологию, К.Э. Лабрусс, в отличие от прочих представителей социальной истории, много внимания уделил рефлексии о методе. Однако прикладные аспекты — техники создания и обработки серий — спрятали фундаментальную основу. Ему удалось достичь одновременно множества целей: предложить объяснительную схему Французской революции, установить движение цен и доходов в ходе XVIII в. и, чтобы обеспечить единство проекта, придать сложности конъюнктурных движений смысл, порядок и значение [11. Р. 1343]. Однако историк не объяснял своего подхода, скупно ссылаясь на основателей данной техники Афгальона, прибегавшего к экспериментальному методу, и Симиана, установившего нормы его употребления в истории.

Заслуга этой широко распространившейся исследовательской практики стало изменение самого понятия исторического факта. Экспериментальная история предполагает его скрупулезную конструкцию. Там, где позитивистская история искала «истинный» факт, само условие провозглашенной объективности, экспериментальная количественная история выделяет факт «чистый», который по-

зволяет конструкцию объекта, разрешает воспроизводство себя, выделяет разыскиваемый объяснительный фактор. Реализовалась непреложная последовательность: исторический факт — экспериментальный факт — разыскиваемый объясняющий фактор. При всем том все звенья цепи, согласно К.Э. Лабруссу, должны были сохранять некоторую внутреннюю автономию, органично располагаясь в собственной исторической среде.

В результате объединения «чистых» фактов, очищенных от шелухи случайных обстоятельств и адаптированных к объекту эксперимента, устанавливается стабильная серия, нейтрализуются все факторы, которые могут поколебать ее однородность. Именно эта особенность «деиндивидуализации» истории дала основу для критики модели, когда она была уже многократно использована и изрядно упрощена эпигонами. Между тем именно К.Э. Лабрусс предостерегал против опасности редуциций в историческом исследовании и настаивал на тщательной контекстуализации каждой серии.

Сама по себе, такая задача крайне трудна: «Различение между качественным и количественным сопрягается множеством оппозиций: видимость — реальность, описательное — зацифрованное, комментарий — статистика..., то, что предполагает довольно гибкое видение информационных возможностей источника и их обработки. Эта гибкость и это интерактивное использование — цифры не говорят (или говорят плохо) без их контекста, качественное зависит от количественного и наоборот — порывает с довольно жестоким противостоянием, которое иногда характеризует эпистемологические дебаты по этим вопросам» [3. Р. 167]. Увы, в знаменитых дискуссиях о достоверности социально-экономической истории, открытых Лоуренсом Стоуном и Карло Гинзбургом, которые во многом определили современные направления исследований, возобладали карикатурные определения цифры и количественного [15, 16].

Реактуализация творчества К.Э. Лабрусса вызвана во многом поисками научной легитимности в истории и одновременно — произошедшим осознанием того, что всегда существуют границы, за которыми любая модель становится неприемлемой. В определенном смысле, пример К.Э. Лабрусса может служить образцом методологического построения научной модели, достойным подражания. Она утверждает требование объективности и тщательное построение системы доказательств, где просматривается и четкий принцип демонстрации материала, и постоянная связь между постановкой проблемы и ее решением, и стремление к использованию ясной терминологии [3. Р. 265].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Braudel F., Labrousse E. (dir.) L'Histoire économique et sociale de la France. – Paris: PUF, 1976–1982. – 6 tomes.
2. Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée // Annales ESC. – 1958. – № XIII. – P. 725–753.
3. Aymard M. Introduction // Borghetti M.N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse. Genèse d'un modèle d'histoire économique. – Paris: Ed. de l'EHESS, 2005. – 299 p.
4. Goubert P. Un parcours d'historien. Souvenirs 1915–1995. – Paris: Fayard, 1996. – 315 p.
5. Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. – Paris: Dalloz, 1933. – 2 vol. Reed. – Paris: Ed. des archives contemporaines, 1984.
6. Noirel G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine? – Paris: Hachette, 1998. – 272 p.
7. Hauser H. (dir.) Recherches et Documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800. – Paris: Picard, 1936.
8. Gillard L. et Rosier M. (ed.) François Simiand (1873–1935). Sociologie, histoire, économie. – Paris: Editions des archives contemporaines, 1996. – 242 p.
9. Simiand F. Le Salaire, l'évolution sociale et la monnaie. Essai de théorie expérimentale du salaire. – Paris: Alcan, 1932. – 3 Vol.
10. Labrousse E. Entretien avec Ernest Labrousse // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1980. – № 32/33. – P. 111–127.
11. Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique. A propos de C.-E. Labrousse // Annales ESC. – 1989. – № 6. – P. 1337–1360.
12. Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. – Paris: PUF, 1944. – 3 vol.
13. Chaunu P. Conjoncture, structures, systèmes de civilisation // Conjoncture économique, structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse. – Paris: Mouton, 1974. – 547 p.
14. Labrousse E. (dir.) Histoire sociale : sources et méthodes. – Paris: PUF, 1967. – 298 p.
15. Stone L. Retour au récit, ou réflexions sur une nouvelle vieille histoire // Le Debat. – 1980. – № 4. – P. 116–142.
16. Ginzbourg C. Signes, traces, pistes: racines d'un paradigme de l'indice // Le Debat. – 1980. – № 6. – P. 3–44.

Поступила 30.04.2008 г.

УДК 930.1(44)

СТАНОВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КВАНТИТАТИВНОЙ ИСТОРИИ: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ

Н.В. Трубникова

Томский политехнический университет
E-mail: troub@mail.ru

Автор анализирует процесс становления и характерные черты развития французской квантитативной истории – одного из ведущих направлений исследований историографии XX в., сочетавшего в себе наследие марксизма, модели экономической теории, методы демографии и специфические техники работы с историческими источниками.

Ключевые слова:

Историография, методология истории и гуманитарных наук, квантитативная история.

Французская квантитативная история представлена целой плеядой учеников школы Эрнеста Лабрусса, начавших свои блестящие карьеры написанием «региональных» диссертаций. В их числе представители «Анналов» Пьер Губер, Пьер Вилар, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Морис Агюлон, Жорж Дюби, Пьер Шоню, Мишель Вовель, Ален Корбен и другие.

Важнейшей концептуальной схемой, используемой Лабруссом и его учениками, был марксизм. В 1950-х гг. многие историки отождествили свою судьбу с Французской коммунистической партией, политическая мощь которой очень способствовала распространению марксизма. Как анекдот, во французской историографии пересказывается история экзамена по агрегации 1952 г., в котором принимали участие в основном молодые члены партии – Клод Меслиан, Пьер Дейон, Жан Дотри, Жан Никола, Франсуа Фюре, Робер Бонно, Жак

Шамба, Дени Рише, Эммануэль Ле Руа Ладюри. Во время подсчетов результатов, Фюре и Шезно с юмором комментировали, что надо было все-таки оставить несколько мест для буржуазии.

До 1960-х гг. марксизм проникал в историческую дисциплину через экономическую историю, часто (но отнюдь не всегда) соединяя в диссертациях ссылки на политэкономия К. Маркса и «Анналы». Характерным примером являются работы Жана Бувье о «Лионском кредите» или Пьера Вилара о Каталонии в эпоху нового времени, датированые началом 1960-х гг. Постепенно границы такой «сдвоенной» истории расширились, передвигаясь от изучения «базисных» исторических оснований – экономической инфраструктуры, к «надстроечным» – ментальной суперструктуре. Начиная с 1970 г., интеллектуальный еженедельник КПФ «Ле Нувель Критик» регулярно публиковал беседы с историками, которые одновременно выступали